

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА
«СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

ТАТЬЯНА ВИНОГРАДОВА

ЖИЗНЕЖУТЬ

стихотворения

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2013

Виноградова Т. Е.

Жизнежуть. Стихотворения.

М.: Вест-Консалтинг, 2013. – 44 с.

ISBN 5-86676-035-5

В оформлении обложки использована картина Юрия Логачева “Чёрная машина” (1997)

Татьяну Виноградову известный литературовед Сергей Бирюков охарактеризовал как «тонко и оригинально мыслящую филологиню-поэтессу-художницу». В рифмованных и нерифмованных строчках седьмой виноградовской книги – попытка сказать о сути поэзии и природе творчества, о Боге и Вселенной, о дальних странах и родимых пятнах, о ненависти-смерти-любви.

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

- © Виноградова Т. Е., текст, 2013
- © Зейферт Е. И., предисловие, 2013
- © Союз литераторов России, идея издания, 2013
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2013

ЛЕПЕСТОК РЕНЕССАНСНОЙ ЗАРИ

Любое явление амбивалентно. Вот и у книги с экспрессионистским заглавием «Жизнежуть» – предисловие с нежным названием. Это изменённая цитата из Татьяны Виноградовой: «И в каждом розовостёклом фонаре / трепещет лепесток той, ренессансной, / очарованной зари» («Венецианское зеркало»).

В стихах она *пишет*, как художник. Пейзаж прорисовывается до ощущения его реальности. Его можно потрогать и даже унести с собой: «Гранитная гранёная гряда. Всё выше, выше пурпурные кулисы. Тот занавес, потребный для Валгаллы, для «Götterdämmerung» – в Байройт, немедленно! И – заверните, вместе со светотенью и плеском финских волн» («Парк Монрепо»). Татьяна Виноградова чувствует цвет. Она владеет техникой крупного мазка, но линии её рисунка ажурны. Поэтесса наслаждается цветовой палитрой, звуком, очертаниями.

...белые домики, шафранные домики
крыши круглят, ластятся к небу
(охра и мел посреди бирюзы)...

<...>

...лазоревые купола церквушек
темнеют, наливаясь спелой синевой.

(«Санторин. Остров со многими именами»)

По одному из своих видов деятельности Татьяна – книжный дизайнер (по её словам, работая с графикой, она «отдыхает от слов»), и это помогает ей в стихах любоваться изображением. Но если в графике Татьяна тяготеет к абстракции, то в поэзии стремится заметить особую колоритность и как можно более точную фактуру вполне реалистического пейзажа. В стихах она ищет гармонию не только цвета, но и звука – «в межиктовом реликтовом пространстве».

Отличительная авторская примета Татьяны – довольно объёмные стихотворения (чаще верлибры). Но новая книга начинается с малой формы, ироничного «эпиграфа-афоризма»:

цветы едят свет
поэт ест слова
читатели едят поэта

Допуская в книгу малые формы (их несколько в «Жизнежуть»), поэтесса показывает разные грани своего творчества.

Книга словно наплывает тематическими блоками: стихотворения, следуя определёнными группами (без формального разделения на рубрики или циклы), соединяются между собой общими мотивами. Последовательность основных тем в книге такова: поэтическое творчество, проблемы современности, вечность, красота мира. Каждая тема пронизана мотивами из соседних тем.

Судя по обилию в книге стихотворений о странах и городах, автор – любитель путешествий. Таких людей я называю эстетическими гедонистами. Гедонистические венецианские, пражские, питерские пейзажи соседствуют в книге со стихами

о несовершенстве жизни, об общественных изъянах. Поскольку не забываем: название книги – «Жизнежуть».

Татьяна – смелый автор. Она активно включает в книгу впечатления от путешествий, посвящения друзьям, стихи на общественные темы... Ведь пейзажные вещи Виноградовой – это не обычные заметки о путешествиях, а живописные полотна. А за посвящениями друзьям нередко стоят особенные лирические мысли и чувства. Автор книги – человек равнодушный и мыслящий многомерно. Именно поэтому она пишет стихи о гастарбайтерах («Каждый второй»), теракте («Моей подруге Марине Бабенко»), международном космическом проекте («Saga об Одиноком Радиоастроне»), усыновлении детей однополыми парами («Усыновлённая, удочерённый»). Есть и конкретные причины для создания подобных произведений. При теракте в Домодедово погибла её лучшая подруга. У диптиха «Два стихотворения моей подруге Марине Бабенко» – пронзительная кода с авторской датировкой:

Знаешь, когда мне на мобильный
падает эсэмэска,
я вздрагиваю: а вдруг она
всё-таки от тебя?

19 февраля 2011,

27-й день после теракта в аэропорту «Домодедово»

Впитывая в себя общественную тематику, поэзия Виноградовой парадоксальным образом остаётся в своих чеканных элитарных рамках.

Особая тема у Татьяны – это тема немوتствующего слова, слова, блаженного в своей немоте. Для поэта важно молчание, созревание творческого слова. Мандельштам в «Silentium» говорит о молчании поэта. Быть солидарным этой истине – настоящий душевный поэтический жест.

В книге живёт множество культурных кодов – отсылки к Бродскому, Вордсворту, Бёклину, Борхесу, Пелевину... «Saga об Одиноком Радиоастроне» поэтесса переводит на английский язык, расширяя пространство её бытования.

Как и в предыдущей книге Татьяны Виноградовой «Голодные ангелы» (2010), мир «Жизнежути» населён ангелами: «но ангелов здесь больше, чем людей».

Ангел-Логос расправляет древние крылья,
багровые с про́сверками.

Ангел-Логос выходит на дневную охоту.

(«День Ангела»)

Процесс творчества у Татьяны мнимо сопряжён с концом света («скручено небо, как свиток») и истинно – со светом, сиянием («Мама, мама, смотри – ангелочек! Он сияет! Сияет!...»).

Приглашаю в мир новой книги Татьяны Виноградовой – космический, населённый ангелами и одновременно простой и реальный.

Елена Зейферт,

член Союза писателей Москвы, доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретической и исторической поэтики РГГУ

* * *

цветы едят свет
поэт ест слова
читатели едят поэта

СТАТЬ ПОЭТЕССОЙ

Стать поэтессой.
С круглым и ударным «О».
Возносится оно аэроостатом
в межиктовом реликтовом пространстве
всё выше, выше, о!..
– О муза, здравствуй!

Быть знаменитой – и красивой.
Откидывать
со лба упрямого упрямую золотую прядь.
Всех покорять. Себя осознавать
событием Большой Литературы,
но скромно и многозначительно молчать об этом
на камеру.

В гармонии золотой метафору и рифму
употреблять и углублять.
Сомнения – свои, чужие – истреблять.
Нещадно.
Дабы неповадно.

Лауреатом стать, призёром, дипломантом.
На лузеров с сочувствием взирать.
(«Быть первой так отраднo, так отпаднo!.. –
Ах да: с сочувствием. Ну, ладно».)

Тусить. Блистать. Писать
удойно и убойно. И помногу.
Найти свою, такую неизбитую дорогу.

А после – наставлять младое племя:

(...пламя... бремя...)

«И вы свой путь найдёте!»

(...знамя... стремя...)

«Конечно же найдёте, господа!..»

Остаться на скрижалях навсегда.

И мирно опочить на ароматных лаврах,
собратье сочинений подготовивши в печать.

О как же сладостно
стать поэтессой, правда!

Но трижды слаще

ею

никогда

не стать.

ДЕНЬ АНГЕЛА

Я не люблю своих старых стихов.

Я их вычёркиваю из записных книжек,
как людей,

и они немотствуют, исчезая,

извиваясь и прорастая, превращаясь –
во что? Я не знаю.

– Неважно.

Ангел-Логос расправляет древние крылья,
багровые с прósверками.

Ангел-Логос выходит на дневную охоту.

Я зачёркиваю стихи,

и они шепчутся и шелестят в тишине,

а потом исчезают,

оставляя лёгкое сожаление

и чистые листы памяти.

Ангел-Логос, ты беззащитен и всемогущ,
зачем же ты
пикируешь на меня?

.....

О, мне знакомы твои повадки –
улыбаясь, ты бросаешь тех,
кто пытался тебя изменить,
а потом пытался изменить тебе.
Они не знали, мой ангел,
что изменить тебе, увы, невозможно.
«О, я знаю твои повадки... –
я шепчу, превращаясь и исчезаю. –
Но сейчас не хочу, не надо!..»
– Неважно.

Ангел-Логос прокатывается над городом,
подобно грозе.
Он невидим для всех, кроме нас,
сочинителей странных стихов.
Он обречённо спокоен.
Он знает, где цель,
и эта цель – мы.

Старые мегадеревья
тянут к нему злые сучья.
Небо расцвечено алым
в честь смертоносной любви.
Молнии строчек сверкают
в огромных багровых крылах...

Скручено небо, как свиток.
Ангел-Логос бесстрастен.
Глаза его наблюдают –
ад? рай?..
– Неважно.

Ангел-Логос уносит поэтов туда.
где их новых стихов жадно ждёт
бессловесность пространства.

А потом он вернётся
и снова, невидим для всех,
начнёт дневную охоту.

...И лишь девочка, в небо глядя, воскликнет:
– Мама, мама, смотри – ангелочек!
Он сияет! Сияет!..

**К ИНГРИД КИРШТАЙН,
НА ПЕРЕВОД ЕЮ «НАРЦИССОВ» В. ВОРДСВОРТА**

В небе ангелы, Ингрид.
Им, похоже, на нас наплевать.
Нашей стылой постылой земле
не грозит благодать.
Лишь поэтов заблудшие души
вознесутся над снегом и смогом,
чтобы Вордсворта рай, золотой от нарциссов,
сквозь магический вордовский файл созерцать.

* * *

В тихом раю слов,
за рекой туманных откровений,
по ту сторону водопадов беспамятства
растёт тёмное Древо Молчания.
В сплетении его корней
слова покоятся
в блаженной немоте, как в колыбели.

Порою Древо чуть шелестит
под невесомым ветром.

Но некому услышать
стихотворящий шёпот.

Блаженство слова –
неназванным остаться навсегда.

ПОСВЯЩЕНИЕ ПОЭТЕССЕ ИРИНЕ

Слишком чистой душа была,
чтоб на мир спокойно смотреть,
видя всё.

Слишком яркой душа была,
чтобы ровно и тихо гореть,
зная всё.

Слишком страстной душа была,
чтобы схиму принять,
помня всё.

Состраданьем опалена,
слишком крылатой была.

Пригвождена к телу,
в небо глядела.

...Слишком живой была.

* * *

Флаг поэта прозрачен.
Он никакого цвета.
На нём проступают слова –
не те, которые в СМИ.
Поэт машет флагом, смотрит на мир.
Мир сквозь слова глядит на поэта.

* * *

Н.К. и М.Б.

Чёрный свет, белая тьма.
Разлеглось повсюду отечество.
Родная, чужая, слепая страна, –
кресты, купола, сума да тюрьма...
Я не хочу сойти здесь с ума.
Ненависть к родине – это не лечится.

Россия, Расея... Всё те же дела, –
пошла писать кренделя:
бабло, купола, «ответ за козла»,
телевизионное «бла-бла-бла»,
всенародное вечное «бля»...

Чёрный свет. Белая тьма.
И полны закрома векового дерьма.

...Но ведь было! – Серебряный морок берёз,
и над Лизиным прудом – мерцанье стрекоз,
и Татьяна гадала в крещенский мороз,
и сияла вдали Покрова на Нерли...
Что же? Всё под откос?
«Отвали, досвидос»?

Белоснежная нежная тьма.
Русь моя, где ты? А где я сама?
– Бездорожье. Безвременье. Безнадёга.
И повсюду, повсюду отечество
разлеглось.
Где же к храму дорога?
– Нет ответа. Нет слёз. Досвидос.
Ненависть к родине – это не лечится.

КАЖДЫЙ ВТОРОЙ

нетолерантный рэп

они сидят на корточках
они курят кальян
и из глаз их глядит великая степь
и каждый второй чингисхан

они метут наши улицы
продают хачапури и молоко
они живут в наших подвалах
их родина далеко

они говорят гортанными голосами
они грустят под иностранными небесами
они почти не понимают по-русски
мы совсем не знаем их языка
наша совместная жизнь нелегка

когда-нибудь они бросят мётлы
лопаты и мастерки
когда-нибудь они покинут подвалы
и встанут с корточек
и выплюнут кальянные мундштуки
и они откроют все двери
все глаза и все книги судеб
и тогда окажется что их больше чем нас
и это их город
а мы неизвестно где

а мы неизвестно где

а мы неизвестно где

и я не знаю о чём ещё петь
когда восходит лунный серп-ятаган
и из наших глаз глядит великая степь
и каждый второй чингисхан
и каждый второй чингисхан
и каждый второй

УСЫНОВЛЁННАЯ, УДОЧЕРЁННЫЙ

В США в графе о родителях слова «отец» и «мать» заменены на «родитель 1» и «родитель 2». Во Франции понятия «папа» или «мама» заменили на «родитель А» и «родитель Б», однополым парам разрешили усыновлять детей и регистрировать браки.

из сообщений СМИ

– Мама, папа, где вы?
Я не знаю, я ваша сын
или ваш дочка?
Ребёнок 1 или ребёнок 2?
А можно, я буду просто –
Дитя Человеческое?
Можно, родитель 1, ну скажи?

Эй, собачатель 1, не лезь к кошателю 2!
И так уже на дереве трясётся
бедный...
бедная...
бедное животное.

– Родитель Б, а ты мне споёшь
колыбельную на ночь?
Ну, басом, ну и что?
А родитель А – тоже басом – пусть подпоёт.

Один – два, один – два, ать-два,
А – Б, «а» и «бэ» сидели на трубе.
«А» упало, «бэ» пропало –
и опять я сиротой.

...Можно мне в приют, домой?

СТАРУШКА И ЧЕ ГЕВАРА

Виктору Пелевину посвящается

Огромный мульти-мега-шоппинг-молл.
Торговый зал имени
Ста Тысяч Расходящихся Тропок.
Рай (потребительский).

Лабиринты, протоптанные
меж утёсов, холмов, водопадов
товаров. Хороших и разных.
(Шампанское двадцати сортов.
Ступор. Что выбрать?
Быстро, стараясь ни о чём не думать,
хватая бутылку водки. Вроде полегчало.)
Тележки, нет – Потребительские Корзины
могущие вместить упитанного тельца
или с десяток невинных агнцев.

Мне страшно.
Я рассыпаюсь на сто тысяч товаров.
Спасите.

Стекленеющим взглядом цепляюсь
за упаковку филе лосося
с портретом Че Гевары.
– Команданте, верните меня в реальность!
– Геррилья! Геррилья!
– Свобода на баррикадах!
...На баррикадах из винных ящиков и пивных бочек
(с весьма живым и подозрительно живучим пивом),
из шоколадных кирпичей,
а также из штабелей благоухающих земляникой
«продвинутых» презервативов – *с рёбрами и точками.*
– Точка!

...Старушка не понимает, куда идти, где тут выход.
Она набрала в огромную корзину-коляску
макарон, картошки и хлебушка.
Старушке под шестьдесят.
Шерон Стоун с её грудью и Мадонне с её формами
тоже, кажется, за полтинник?
Но, в отличие от них,
старушка помнит Советскую Власть в полном объёме.
Грудь у старушки не имеет формы –
только объём.
Теперь Софьи Власьевны не стало,
а старушка не знает, где тут выход,
из этого бесконечного супермаркета,
не знает, хоть убей, как это она
(вместе с нами со всеми) тут оказалась.

«Мне бы к метро, дочка...»
А я и сама не знаю, где здесь дверь на волю,
где тут метро.
От меня и от этой старушки
почти ничего не осталось,
кроме недоумения. –
Отработанный материал
с истекающим сроком дожития.

«Где выход, дочка?»
Над старушкиной головой разгорается надпись:
«Часы! Всего за!.. Часы!..»
и далее следует название известной марки. Какой?
– Не будет вам здесь продакт-плейсмента,
не надейтесь.
«Часы! Часы!» – вспыхивают рекламные письма.
У меня в глазах расцветает
взрывной финал «Забриски-Пойнт».
– О если бы...

Наконец, расплата. На кассе.
Шарахаюсь от стеллажа,
на коем Земляничные Поляны
колосятся кондомами.
Качу свою тележку дальше.
Надеюсь, что к выходу.

Я знаю: выход есть. Не может не быть!
– Эй, старушка!
Держись за мной, прорвёмся!

Че Гевара сурово смотрит нам вслед
с упаковки кроваво-красной
просроченной
форели.

РАЗВИВАЯ БОРХЕСА

Мёртвые боги
лежат в уголке на террасе, за колоннадой,
полузасыпанные опавшими листьями.
Над ними – винно-невинно-красный закат,
за ними – сердоликовое море.

Боги мертвы уже очень давно.
Дней, наверное, пять.
Люди забыли о них.

Ветер забыл о них.

Море забыло о них.

Лишь опавшая листва гладит их лица
(пустые глазницы глядят на закат),
шуршит-шелестит листва, золотит расколотый мрамор.

Здесь никто не плачет о мёртвых.
«Новые боги идут! Не мешайте новым богам!» –
изо всех рупоров и рутьюбов.

Но ведь и новые боги наскучат нам
и умрут.

...А мне их жалко – тех, на террасе.
Всё-таки, они старались.
Не получилось, да. Что с них возьмёшь?
Они всего лишь боги.

...Вот ещё кусочек мрамора упал.

* * *

Как всегда, идёт дождь. Темнеет.
И старая потрёпанная любовь
встречает тебя на углу с дежурной улыбкой.

* * *

Ускользящая красота.
Не та.

* * *

...Ночные перегоны строчек,
ржавые рельсы памяти, —
и нельзя перевести стрелку.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ МОЕЙ ПОДРУГЕ МАРИНЕ БАБЕНКО

1

Медлительно ласкают волны берег,
а между всплесками – такая тишина...
И поздний август с щедростью прощальной
все звёзды лета по небу рассыпал,
и в целом мире

сейчас реально лишь дыхание моря:
чуть слышный шелест волн,
 песка шуршанье
 и белой пены призрачный узор.

...А рядом

сухие травы пахнут степью
и вечностью.

И кажется, сейчас из этого всего, –
небес и моря,
трав земных и предосенней грусти, –
возникнет музыка.

И, быть может, даже счастье

не так уж далеко:

лишь руку протяни,

и на ладони тихо зазвенит

упавшая звезда.

– Но нет тебя, мой друг, со мною!

Коктебель, август 1983

(тогда мы с Маринкой впервые расстались на целое лето)

2

Помнишь, мы взялись подсчитать,
сколько же всё-таки дружим.

Оказалось, с шестого класса,
то есть – больше тридцати лет.

«Столько не живут», –

очень серьёзно сказала ты,

и мы дико заржали.

Мы могли не видеться по полгода,

но писали друг другу:

 сначала письма,

 потом факсы,

 потом эсэмэски.

О, эти твои эсэмэски:

«Я еду в Африку. Привезти тебе пигмея?»

...А встретившись наконец,
хохотали как сумасшедшие,
кричали друг другу: «А помнишь?» –
и, чинно прогуливаясь по парку,
могли, пугая прохожих,
вдруг грянуть
«Yellow Submarine».

А потом ты делала большие глаза
И начинала: «А зна-а-ешь...» –
И дальше могло последовать всё, что угодно.
Что твоя дочка решила, по примеру мамы,
стать японисткой.
Что очередной художник написал твой портрет.
Что ты купила ёлочную игрушку:
«И угадай, в виде кого? В виде
гусе-нич-ки!»

Твои взгляды метали синее пламя,
твои волосы были цвета мёда и солнца,
и вся ты сверкала, сияла, летела,
и ты смеялась над абсурдом бытия.

...Наверное, в самом конце,
о котором никто ещё в зале прилёта не знал,
что это – конец,
в твоих удивлённых, огромных,
серо-синих осенних глазах
отразилась вспышка – и дым.
И – мгновенно рухнувший мир.

Осколки зеркал.
Осколки судёб.
Каждый человек – зеркало Бога.
Осколки людей.

И увидим всё, чего хотели,
но при жизни как-то не смогли.
Даже Бога.

И ещё там будут все цветы,
которых нам не подарили те,
кого мы так...

И они, те самые, тоже будут там.
И на всех на них у нас будет время,
и у всех у них для нас будет время,
потому что времени в раю – целая вечность.

И никто никого ревновать не будет,
и никто не впадет в депрессию
и не покончит смерть саможизнью,
и не изгонит самого себя из рая –
мол, на арфе играть достало!

Потому что всем нам
дальше
ехать
некуда.

...А если кому на арфе не нравится –
выдадут ударную установку.

Ибо милосердие Божие безгранично.

* * *

Когда ты спишь, и снится, что не спишь,
блуждаешь в темноте, и кровь стучит в ушах,
Вдруг понимаешь: вот он, Времени Державный Шаг.
...Сквозь сомкнутые веки – свет: восходит новый век.
Над мегаполисом летит огромный снег –
он спрячет нас от всех небесных бед,

он, до земли не долетев, ласкает воздух.
И кажется, ещё совсем не поздно
счастливой быть...
В сугробах звёздных тихо ты лежишь,
и засыпаешь, спишь, и снится, что не спишь.

* * *

Серая река облаков
в прожилках зари.
Рассвет крадётся по крышам.
Рассвет не знает, что он – убийца
Матери-Ночи.
Древней праматери,
милосердной Ночи.

А может – знает...

К ВОПРОСУ О ВОЗЗРЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФИЗИКИ НА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ КОНТИНУУМ

Вечность – посеребрённая тьма:
летит, летит, летит
из ниоткуда в никуда...
Тёмная материя.
Стрёмная мистерия.
Тёмная энергия –
без рифмы вообще.

...Мёртвых больше, чем живых.
Темнеют в тишине.
Тоска камня, не ставшего ветром.
Тоска ветвей, не нашедших своих деревьев.
Серебряные угольки звёзд.
Капли огня.

Оказывается, Вселенная
на девяносто процентов состоит из
не-разбери-пойми-чего.
Его не видно, но *она* существует.
Его – «тьмы, и тьмы, и тьмы».
(Князь Тьмы кристаллизуется из грязи в князи.)

Параллельные вселенные.
Ветвистые вселенные.
Пузырчатые вселенные.

– А может, просто:
деревья под дождём,
на лужах пузыри...
Узри!

Пока живёшь – звезда.
Потом – лучи: *тот* свет.
В конце концов – Молчи, молчи! –
в конце концов, конца, быть может, нет?

...Посеребрённая тьма.
Дождь.
И рассвет.

САГА ОБ ОДИНОКОМ РАДИОАСТРОНЕ

Одинокий Радиоастрон
кружит на высокой орбите.
На Земле его мало кто ждёт,
ещё меньше – помнят.
Пять лет – срок жизни.
А смысл?

Одинокий Радиоастрон
пытается заглянуть за край

аккреционного диска,
узреть наконец
Сингулярность.
Вотще.
Если и узрит чего-нибудь этакого, –
никто не поймёт,
окромя Академика.

Одинокий Радиоастрон
напрягает антенну,
изворачивается, как только может,
подставляет ухо Универсуму.
Универсум молчит.

Одинокий Радиоастрон,
собрал в кучку весь свой английский,
иногда разговаривает с «Хабблом».
Но их орбиты слишком различны.
К тому же у «Хаббла» – собственная гордость
и американский акцент.
И вообще, честно говоря, диалог у них –
слепого с глухим.
...А Универсум всё молчит,
этак снисходительно.

Одинокий Радиоастрон
заглядывает в жерла квазаров, мазеров
и прочих пульсаров.
Но в кротовую нору соваться боится –
потом ведь не выберешься, не оберёшься...
Засосёт, защекочет, выплюнет
в параллельной пара-вселенной,
и станешь каким-нибудь Нострадиаром
или – того не легче – просто дьюаром, например.
Или вообще бутылкой виски «Дьюарз».

Вокруг Радиоастрона перешептываются
всяческие Леониды и Персеиды,
а Луна пританцовывает от нетерпения,
крайне возмущая Радиоастронову орбиту.
Но космический радиотелескоп
старается держаться
и не выдавать своих чувств.

Одинокий Радиоастрон
характер имеет нордический.
Невозмутим и недосягаем, гордо реет он
в ожидании Ответа,
прислушиваясь к беззвучному шороху
космического мусора
и звону разбитых звёзд.

И знаете, он услышит в конце концов.
Ведь Одинокому Универсуму
тоже иногда надо
с кем-то поговорить*.

THE LONE RADIOASTRON SAGA

The Lone RadioAstron
moves in his high orbit.
Almost nobody is waiting for him on the Earth,
less than nobody remembers.
His lifespan is five years only.
But what is the meaning of life? Who cares...

* На самом деле, «Радиоастрон» вовсе не так уж одинок.
Орбитальная обсерватория, запущенная с Байконура в июле 2011
года, предназначена для работы совместно с глобальной наземной
сетью радиотелескопов. Автор идеи и научный руководитель этого
масштабного международного космического проекта с ведущим
российским участием – Николай Семёнович Кардашев, академик
РАН, директор Астрокосмического центра Физического института
Академии наук.

Космический телескоп «Хаббл» работает, в отличие от
«Радиоастрона», в оптическом и инфракрасном диапазонах.

The Lone RadioAstron
tries to look beyond the edge
of the accretion disk,
tries in the very last moment
to contemplate Singularity.
In vain.
Even if he sees something,
nobody will understand what it is,
except The Academician Almighty.

The Lone RadioAstron
strains every nerve (and antenna),
dodging, making his way by shifts.
He is all ears, listening to the Universum.
The Universum keeps mum.

The Lone RadioAstron
gathers his last strength,
tries to speak English with Hubble.
But their orbits are too different.
Besides, His Majesty The Hubble is not very young
and has a strong American accent.
And to tell the truth, this is the dialog
between a blind person and a deaf person. Alas.
...And The Universum still keeps silent,
indulgently.

The Lone RadioAstron
is looking into the muzzles of quasars and masers
and all other pulsars.
But he is frightened of poking into a wormhole,
cause it's so unpredictable:
it can entice you, engulf you, involve you
into some parallel universe, Multiverse...
And you will find yourself to be some Nostradiar
or even worse: to be a Dewar flask,
or simply – a bottle of *Dewar's*.

Around The Lone RadioAstron
The Leonids and The Perseids of all kinds
are whispering some fun to each other,
while the Moon, dancing salsa,
provokes perturbations in his orbital elements.
But the space radiotelescope
tries to keep himself under control.

With none of his antenna petals trembling,
The Lone RadioAstron
soars with perfect calm,
waiting for Final Answer,
listening to the soundless rustle
of space junk
and tinkling of broken stars.

Well, you know, he will hear the Answer at last.
Because The Lonesome Universum
also needs to talk to somebody
sometimes.

* * *

хрупкая вечность
пылает над нами
висит на волоске

**КОЛЫБЕЛЬНАЯ ГОСПОДУ БОГУ,
НАПЕВАЕМАЯ УСТАЛЫМ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕМ
НА ИСХОДЕ ДОЛГОГО ДНЯ**

Спит реальность в звёздных кущах,
и не хочет Всемогуший
больше быть за всё в ответе.
Спит реальность. Дует ветер.
И над Млечною рекой,

да незримою рукой
воздвигается покой –
весь хрустальненький такой.
Боже мой, иди домой,
ты сегодня сам не свой.
Эй, народ, а ну-ка стой!
Боженьку не беспокой!
Не молись, не лезь, не вой
и не бейся головой.
Мы уж сами, какнибудь,
прогрызём сквозь звёзды путь –
сквозь огонь, и лёд, и муть,
сквозь всю нашу жизнежуть.
Разберёмся, не впервой...
Спи, Создатель дорогой.
Ты у нас один такой.
Мы – лишь сон кошмарный твой.
Тише, тише, Бог с тобой...
Ой.

БРИТВА ОККАМА

Георгию Геннису

Чувствую, как реальность
мучительно обретает реальность
и, споткнувшись,
утыкается в границы разумного.

Нащупываю щель внутри щели,
осторожно просовываю лезвие
бритвы Оккама.
Только не волноваться.
Осторожно... пытаюсь не дышать...
И – р-раз!

Щель внутри расширяется,
раздаётся негромкий треск
и начинается, пока ещё медленное,
зияние.

Всегда знала, что так называемая «реальность» –
что-то вроде нарисованного очага
в каморке у папы Карло.

И – два! И... – Вуаля!
Треск становится громче, потом оглушает.
Бритва Оккама взрезает
податливую пустоту.

Постепенно
пустота
заполняет
всё.

ПИЧАЛЬКА

Приветки!
Печенька? – Нра, пасибки.
Вкусняшка. Нра, нра, улыбнуло.
Сфоткаешь?
...Ой, котэ какой, няшка, няшка, мимими!
Сфоткаешь?
...Мася, какой ещё астероид?
Куда-куда летит?
И чё, Мася, прям завтра прям?
Пичалька.
Сфоткаешь?
...Не, а чё?
Да ладно! «Улыбаемся и машем».
Ну, чмоки-чмоки, споки-ноки,
пока-пока.

* * *

Орфей оглянулся.
Лотова жена –
от неё даже имени не осталось –
оглянулась.
А ведь их предупреждали.
Один пассажир оглянулся –
а там лангольеры:
сожрали пространство и время. Вчистую.
Вот и ты туда же – не слушаешь никого,
уже и шею напряг, профилем глядишь,
изготовился.
Давай, дуй вперёд без оглядки!
Курс на свет в конце тоннеля!
И нехрен на меня через плечо пялиться.
Что, ангела-хранителя своего никогда не видел?

ГРЕЧЕСКИЙ САЛАТ

В древней Фире* –
старая, позабывшая век свой, площадь.
Чёрные камни.
Выжженная солнцем цепкая трава.
«Агорá тон Теон» – «Рынок богов».

– Налетай, насладись, заходи, удивись!
– Мне Аполлона Карнейского,
не очень жирного, пожалуйста,
вот эту симпатичную Анадиомену –
свежая, вы уверены? –
и несколько мелких солёных наяд.
Ну зачем вы мне эту мойру суёте, она же старая!
Ладно, ладно, сдачи не надо.
И вам эвхаристó.

* Столица греческого о-ва Санторин (Санторини). Другие названия острова: Тира, Стронгили, Каллисти.

Я иду по агорé.
В пакете (не порвался бы!) – возня и щебет.
Боги сегодня что надо:
крепенькие, не просроченные.
Салат получится – объеденье!

САНТОРИН

остров со многими именами

*

Санторини! Святая Ирина!
колокольчик между землей и небом –
на всё Эгейское море стоит перезвон.
Святая Ирина!
Хрустальная сфера –
твой остров, кириа*!
Была – и пребудет: пресветлая сфера.

*

Стронгили. Остров Гефеста.
(Вулкан – древний, дремлет.)
Остров, Круглый когда-то, а ныне –
осколок, формой, словно месяц растущий.
...Атландиды цветной черепок?

Голубой, серебристый, гористый, лучистый,
остров Прекраснейший, остров Каллисти –
лёгкий, летящий, в небо глядящий
всеми глазами домиков белых,
церковок малых,
растущих прямо на скалах.

*

Санторин! Погребён извержением
древний город твой – Акротири.
(Разбита хрустальная сфера.)

* Госпожа (*греч.*)

О, эти фрески на стенах,
вновь явленные миру:
весна, и лилии колышутся
под розовым и тёплым ветром,
и ласточки целуются в полёте.

Ах, эти ласточки! Четыре
тысячелетья под пеплом вулканическим, –
и вот: сияют!
А что вулкан? Он дремлет.
Дремлет он пока.

*

Тира! Чёрно-красный остров закатов,
патентованных, сертифицированных,
оптом и в розницу, по сходной цене.
Спросите в любом турагентстве:
двенадцать баллов по десятибалльной шкале.

В деревне Фира, в деревне Иа
(обе висят на краю обрыва)
каждый вечер – аншлаг.
Наставив объективы на кальдеру,
строчат туристы,
словно партизаны из засады,
в упор расстреливают
закат.
И запивают свой подвиг славный
златым и сладостным винсанто.

А что закат? А он и рад
позировать.
Затворы щёлкают, стрекочут и щекочут
розовый
 нежный
 воздух.

Зардевшись, закат раскланивается,
заходит скромно в тучку,
но, не в силах удержаться – артист! –
заходит ещё раз. На бис.

*

Ветер. На гребне, на крутизне
белые домики, шафранные домики
крыши круглят, ласться к небу
(охра и мел посреди бирюзы).

Внизу, далеко, в чаше кальдеры,
смирные волны искрятся,
и розовым серебром дорожка трепещет –
от причала и в Вечность.

Белеет парус.

Розовеет.

Развеивается

в тумане моря.

Вновь белеет –

теперь уже круизный лайнер:
многоэтажный, очень одинокий.

С гудком прощальным, долгим,
долго исчезает

в зеркальном зареве заката.

– Двенадцать баллов по десятибалльной шкале!

Так точно, сэр, таких закатов – поискать!

Посмотрите налево, посмотрите направо,
представьте, как просыпается вулкан,
и этот весь пейзаж...

Короче, всем кирдык и полный акротири.

...Но нет, ещё он дремлет,

наш кормилец.

Вот здесь хороший ракурс, не упустите, мэм!

Ещё винсанто, сэр?

*

А по змеистой дороге, от самого причала,
идут и идут навьюченные туристами ослики.
Упорно идут в гору, не оборачиваясь,
не смотря на вулкан, не смотря на закат,
несмотря ни на что.

*

Но вот спустился Гелиос в кальдереу.
Спектакль окончен.
Туристы разошлись.
Круизный лайнер отбыл в свой туман.
Тускнеет потихоньку белизна домов,
лазоревые купола церквушек
темнеют, наливаясь спелой синевой...

И облако-завеса ложится осторожно
на гору Громовержца.
Но не Зевеса, нет: Ильи-Пророка.
Неподалёку
Посейдон с Гефестом
смакуют сладостный винсанто.
И – ласковым глиссандо –
шёпот морского серебра.
Пора!

*

Две ласточки, пронесшись над крестами,
пронзают постзакатный горизонт.
Едва не чиркнув чёрнёным кончиком крыла
по гребням волн,
выходят из пике, –

и задевают струны сумерек,
и тихий звон сияет,
и сияние звенит...

И меркнет, меркнет постепенно
хрустальная диковинная сфера,
в которую заключены все мы.

*

Святая Ирина
(златые локоны уложены
по венецейской распоследней моде,
тринадцатого века Anno Domini,
в розовых перстах – букетик лилий) –
кириа Ирина тихонько улыбается
в своей вышине:
– Ах, эти ласточки Акротири,
вечно они носятся туда-сюда...

ПРАЖСКОЕ

Go, Golem, ходи гоголем...

Тёмный, сумеречный
(рабби Лёв заколдовал его, не иначе),
пражский день без конца.
Тяжкие шаги по брусчатке.
Голем? Или просто – папаша Кафки?

Свет тускнеет вокруг Пороховой башни,
наливается свинцом,
замещается лицом,
чистым листом,
газовым фонарём...
Свет устал. Ему хочется стать вчерашним,
затеряться в толпе...

Но рыцарь Брунцвик бдит на столпе.
Озирает пространство и время.
Не одобряет. Однако – долг есть долг.

А бедного львёнка у рыцарских ног
и не видно почти.

Добрый король Карл Четвёртый
ни за кем не скачет в ночи,
в отличие от коллеги Петро Примо.
Ему не до того. У Карла – бремя.
Ему необходимо
о людях думать.
Чем завтра подданных кормить?
Да у него и лошади-то нету...

...Но ангелов здесь больше, чем людей.
Они повсюду – на крышах (кыш!)
и на карнизах (нанизаны),
и на фронтонах (тонны! тонны!),
и на пилястрах (пляшут! страх!), –
они везде, везде: на окнах, на дверях...

Иные держат фонари,
задумываясь, что же у людей внутри
(а день всё длится, длится, дли...)
И вот уже брусчатка под луной
отсвечивает тёмным серебром.
Нет, это всё не кончится добром.

...Здесь разминулась с Францем дивная Марина.
А то б она такого натворила
под сенью снисходительных небес...
Вот именно. А у него – процесс
туберкулёзный.
Вы говорите, рифма? Рифма тоже здесь.
Вот: «поздно». Слишком поздно.

...Здесь Оттокары, Яны Гусы, Венцесласы
турусы разводили на колёсах
так долго,

что подданные, поумнев, не задают вопросов.
И только голуби голубят статуи и парапеты.
Здесь есть История. А будущего нету.

Здесь Смерть на площади, при всех,
звонит в свой вечный колокольчик чумовой*,
и всё кивает, всё кивает головой –
мол, не забудь, друг, встретимся с тобой,
и там уж поболтаем без помех.

...Снежинок тихий вальс вплетается в барокко.
Ах, этот пражский день, без солнца и без срока...
На чердаке спит Голем одиноко,
и башни грезят о весне далёкой.

ТОСКА ПО ПИТЕРУ

Здесь разбавленный Севером воздух,
влажный, плоский финляндский покров
беглых слов, белых снов, островов...

Долгий закат в розоватом растворе,
в створе Гороховой улицы,
где дразнит утончённостью вдали
игла Адмиралтейства.
Закат догорает
над Невским, Литейным, Летейским...
Летит – и льнёт, и слёзы льёт,
не в силах оторваться от земли.

...Здесь всё так неизменно,
так протяжённо и зыбко,
всё подёрнуто выцветшей царственной дымкой.

Этот город с вокзала приемлет в объятья,
приникает к тебе, проникает в тебя.

* Куранты называются "Орлой".

Это небо, немеркнуще-близкое,
эти воды и своды, и хляби,
эти перистые облака,
эта вечная, злая река...

Эта бедная, тайная радость
в достоевских трущобах...
И в морозные сумерки дому Мурузи
Венеция снится – ещё бы!..
Эти лики и блики в канале –
и грифоны над рябью поводят золотыми крылами.

...Отражения стынут в Фонтанке.
В сетке веток, на жёлтой стене
дома *Анны Всея Руси* тени качают луч.
А усталый Бог сохраняет всё,
даже наши стихи.
Даже вздох
затонувших, угасших, вчерашних...
Даже тленный, мгновенный, имперский
всплеск
на прощанье.
Всплеск небес –
и недалежного моря всплеск.

Этот странный, пространный,
ростральный, расстрельный, астральный
Город!
Здесь, среди снега, тоски и дождя,
призраки вечно толпятся,
выхода не находя.

...В дацане на Приморском проспекте
тихо-тихо звенят колокольцы.
Я хочу пить разбавленный Севером воздух
и не ведать, что будет после.

ПАРК МОНРЕПО

Сумерки. Сосны. Вода. Камни со всех сторон – северным волшебством. Ворожба, откровение, весть. Нежданная милость. Я счастлива здесь. Что-то со мною случилось. Блики солнца на валунах. Мох. Ах!..

На берегу залива облачно-солнечным днём они явились мне, как во сне: розовые скалы, одинцы-останцы... Шёпот их еле слышен. Мхи на них и лишайники. Сосны над ними. Под ними – прозрачно-тёмная вода. Жёлтые сосновые иголки на песке. Голубой. Розовый. Серый. Громады гранитов: не страшных, роскошных, уютных, домашних... Диках, но смутно знакомых: в прошлых жизнях, должно быть, я здесь гуляла, любила, жила... Наконец-то я дома. Прозрачнейшая чёрная вода. Сосна корнями оплела гранитный ком. Знаком пейзаж? Наш. Древний. Северный. Суровый. Любящий. Родной. Здесь слово превращается в знак, заклинанье, заговёр. Здесь хочется молчать, стоять недвижно, слушать тишину. Потом вдруг крикнуть – и расхохотаться вместе с эхом.

Гранитная гранёная гряда. Всё выше, выше пурпурные кулисы. Тот занавес, потребный для Валгаллы, для «Götterdämmerung»* – в Байройт, немедленно! И – заверните, вместе со светотенью и плеском финских волн. Здесь ручейки тропинок, дробясь и извиваясь, обтекают волны валунов. Здесь напрочь забываешь о времени. И папоротник стелется у ног, резной и вышитый. И хочется стоять так год, и стать сосной, вон той, – неспешно беседовать о чём-то с древними камнями... А люди будут проходить, как дождь, как облака, и ты – сосна – к ним будешь и снисходительна и благосклонна... Тысячеокая тишь. Эхо спит. Пахнет дождём. И небо всё ближе.

* «Сумерки богов» (нем.).

...Маленькая финская наяда не знает, что она – наяда. Просто она здесь живёт, среди всех этих камней, карминных, розовых, пурпурных и багровых, среди сосен и зеркальных вод. Наяда смеётся, и солнце смеётся в ответ. Она нахмурится – и тучи закрывают небо. Нимфа лесов и скал, застенчивая дикарка, она прячется в корнях старой сосны или в гроте возле залива. Ей нравится петь, тихо-тихонько, хрустально. А ещё она любит смотреть на странных, волшебных существ – они называются «люди». Капли дождя на мхах – стразы для старого валуна. Он благодушен. Греет бока, пока ещё можно, пока ещё лето, пока... Наяда расчёсывает волосы, светлые, как лучи незакатного солнца Севера. Она ничего не знает о Лорелее. Она любит тебя. Улыбнись ей в ответ.

ВЕНЕЦИАНСКОЕ ЗЕРЦАЛО

Канал струится светлоглазую водою,
и белокурая лагуна грезит
о рыжих и распутных венецианках Тициана.
И в каждом розовостёклом фонаре
трепещет лепесток той, ренессансной,
очарованной зари.
Даже в полуденном мареве,
когда зеркало небес
задышано до мутного серебра.

Проплывает Пьяцца.
Может, нам здесь остаться?
Собор Святого Марка, как всегда,
притворяется просто собором.
Но мы-то видим, как широко разинул он портал,
чтоб уловить в себя очередную дозу душ,
невинных и не очень –
да, уловить, объять своим золотым пожаром, и...

Но это там, внутри.
И, если не зайдём, то не сгорим.

Лев Святого Марка на столпе
нервно поводит хвостом,
отгоняет дурные виденья.
Голуби спешат напиться из фонтана,
прежде чем снова облепить туристов.
Туристы (их здесь ещё больше, чем голубей)
общёлкивают своими супермегакамерами
всю эту зыбкую реальность,
чтобы потом блестела и переливалась,
пришпиленная.

Палаццо, покрытые величием и плесенью,
тянут колонны, раскрывают окна,
не успевают досказать свои истории –
распаренный вапоретто* идёт слишком быстро,
туристов слишком много, и все они щёлкают, щёлкают...
Только начнёшь им:
«Когда Казанова шёл по мосту Риальто...» –
только начнёшь:
«Говорят, Дездемона каждый вечер...» –
только прошепчешь:
«Однажды Гёте в кафе “Флориан” ...» –
глядь, а вапоретто уже другой, и гондола не та,
и только чайка слушает
слабеющий старческий шелест,
восседая на верхушке сваи.
А свая – чёрная, страшная, древнее всех палаццо, –
стоит и молчит.

...А вапоретто причаливает
к Сан-Микеле – кладбищенскому острову.

* Маршрутный теплоход, единственный вид общественного транспорта в островной Венеции. Аналог речного трамвая.

Столь соразмерно каменные стены
возносятся над зыбью зеленоватых волн,
и кипарисы по периметру глядят так стройно, –
с натуры, что ли, писал достопочтенный Бёклин
свой «Остров мёртвых»?

...К Сан-Микеле причаливает вапоретто,
и с него сходит человек в светлом плаще.
Останавливается на секунду в воротах кладбища,
запрокидывает голову –
лёгкий нимб седеющих, редящих волос,
острый блик очков...
Запрокидывает голову,
словно хочет надышаться
этим бледным золотом полудня,
этой патиной Адриатики...
Потом человек в плаще исчезает.

...А у входа в кафе «Флориан»
оркестрик всё наигрывает венские вальсы,
и щёлкают в такт цифровые «зеркалки»,
и голуби несут свою вахту,
и карнавальные маски хищно щурятся из витрин,
и пластилиновая толпа перетекает в радужном мареве
из вапоретто на набережные и обратно.

А светлоглазая и белокурая лагуна
смеётся и всё глядится в зеркало
адриатических небес.
Ей, шалой, без разницы,
что влюблённые и поэты
задышали его
до мутного серебра.

МЕТРООБЛАКО ИМЕНИ НАС

Евгению, другу-стихотворцу

...Так бы ехать, и ехать, и ехать,
рука в руке,
навсегда.

Скользить
по переходам метро и, оторвавшись,
лететь по туннелям,
рассекая горячий воздух,
проницая колонны насквозь,
развешивая на бронзовых люстрах
прозрачные гирлянды
двойных смыслов.

...Лететь, и лететь, и лететь,
а потом выпорхнуть из-под земли
через двери с надписью «выхода нет»
где-нибудь в вовсе незнакомом районе,
словно и не Москва это,
словно можно (можно, можно, уже – можно)
затеряться в неизвестных улицах,
– и навсегда, навсегда...

Рука в руке.
Под серебряным солнцем.
Под золотою луной.
Рассекая горячий воздух,
дробя кристаллы
запретного неба.
– Навсегда, навсегда...

«...Конечная. Поезд дальше не идёт,
Просьба освободить вагоны».

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Зейферт. Лепесток ренессансной зари.....</i>	3
«цветы едят свет...»	5
Стать поэтессой.....	5
День Ангела.....	6
К Ингрид Кирштайн, на перевод ею «Нарциссов» В. Вордсворта	8
«В тихом раю слов...»	8
Посвящение поэтессе Ирине	9
Флаг поэта	9
«Чёрный свет, белая тьма...»	10
Каждый второй	11
Усыновлённая, удочерённый.....	12
Старушка и Че Гевара.....	13
Развивая Борхеса.....	15
«Как всегда, идёт дождь. Темнеет...»	16
«Ускользящая красота...»	16
«...Ночные перегоны строчек...».....	16
Два стихотворения моей подруге Марине Бабенко.....	16
«А художник не умирает...»	19
Рай	19
«Когда ты спишь, и снится, что не спишь...»	20
«серая река облаков...»	21
К вопросу о воззрениях современной теоретической физики на пространственно-временной континуум	21
Saga об Одиноком Радиоастроне	22
The Lone RadioAstrone Saga	24
«хрупкая вечность...»	26
Колыбельная Господу Богу, напеваемая усталым священнослужителем на исходе долгого дня.....	26
Бритва Оккама	27
Пичалька.....	28
«Орфей оглянулся...»	29
Греческий салат.....	29
Санторин	30
Пражское.....	34
Тоска по Питеру.....	36
Парк Монрепо.....	38
Венецианское зеркало.....	39
Метрооблако имени нас	42

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха «СЛОВЕСНОСТЬ»

Татьяна Евгеньевна Виноградова
ЖИЗНЕЖУТЬ
Стихотворения

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная вёрстка — Марина Кива
Корректор — Нина Курилло

Бумага офсетная
Гарнитура Calibri, Arial
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 22.09.2013
Подписано в печать 9.10.2013

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75